

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ

1-6

1939

УЧПЕДГИЗ и КОМПРОСА РСФСР • МОСКВА

О МАСТЕРСТВЕ ДИАЛОГА ЧЕХОВА

ущность языка раскрывается не в отдельных изолированных словах и выражениях, а в речевом взаимодействии, в процессе общения. «...монолог,— писал Л. В. Щерба,— является в значительной степени искусственной языковой формой, и что подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге»¹.

В художественных произведениях реалистического искусства диалог находит широкое применение. Являясь конструктивным элементом, он может внутри художественного произведения выполнять самые различные функции. Диалогическая форма оживляет, делает более действенным характер повествования, конкретно и правдиво раскрывает действительность.

Чужая речь, попадая в контекст подлинно художественного произведения, не остается инородным телом, а модифицируется согласно общим устремлениям автора, всей идее и композиции.

Войдя в число элементов авторского повествования, чужая речь в то же время не теряет своей первичной самостоятельности. Чужая речь дает представление о том, кому она принадлежит, кого характеризует; за ней ощущается персонаж, как представитель определенной социальной группы с присущими ей речевыми навыками, «жизненными интонациями». Большое мастерство, тонкий слух, точное и глубокое знание языка во всех его социальных разветвлениях обеспечивают правильную передачу речи персонажей.

Самый простой, уже давно проторенный путь — это натуралистическое воспроизведение языка персонажей. Путь этот давно осужден крупнейшими мастерами слова.

Особые трудности возникают перед писателем тогда, когда он воспроизводит

речь тех социальных групп, язык которых отстает от общепринятых литературных норм. И в наши дни все еще не снят вопрос, как же передавать речь крестьян, — «эссенциями» или без них. Некоторые современные писатели в изобилии «внедряют» в речь персонажей крестьянские «словечки».

Чехов, — крупнейший мастер словесности, категорически высказывается против засорения языка героев всякими провинциальными, областными словами, уродливыми конструкциями. В 1889 г. он писал брату: «Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить без *пуцц* и без *теперича*».

Через три года в письме к драматургу Гославскому Чехов снова пишет по этому же вопросу: «*Мы-ста* и *шишнацать* сильно портят прекрасный разговорный язык».

К этому взгляду Чехов пришел не сразу. Он проделал большую эволюцию в воспроизведении речи персонажей. В начале своей литературной работы он передавал ее несколько натуралистически. Сердцевина рассказа раскрывалась в густо стилизованном диалоге.

Авторскими ремарками, сжатыми и яркими, лишь обозначалось место и время диалога, жесты и интонации, сопровождавшие его. В новелле «Егерь» узнаем о драме Пелагеи не из авторского повествования, а из разговора ее с Егором. Идейный и сюжетный центр рассказа «Злоумышленник» — в диалоге.

Речевое общение не является однородным. Для каждой социальной группы Чехов находит жизненные слова, многозначные жесты. И часто жесты не сопутствуют речи, не служат моментом, дополняющим слово, а выступают, как самостоятельные выразители отдельных психических актов. Так, Ольга («Мужики»), уходя из деревни, «все *оглядывалась* на избы». Движением как бы подводится итог размышле-

¹ Л. В. Щерба — «Восточно-лужицкое наречие», т. I, П. 1915 г., стр. 3—4.

ниям, чувствам Ольги, которые были связаны с одной из этих изб.

Каждая социальная группа имеет свой, если можно так выразиться, «речевой контекст», т. е. устоявшуюся систему средств, способствующих наиболее полному и вместе с тем экономному общению членов данной группы. В плане этого «контекста» иногда только и возможно понимание отдельных слов и сдвиги в их значении.

В рассказе «Злоумышленник» Чехов мастерски показал, как два представителя разных классов (с одной стороны — следователь, а с другой — забытый крестьянин) не могут понять друг друга, ибо каждый из них имеет свой особый язык, свои особые мысли. Вопросы следователя Денис Григорьев понимает в свете своего речевого опыта, недоступного и чуждого судейскому чиновнику.

Та или иная социальная группа лучше всего себя выражает в стабилизировавшихся словечках, поговорках, своего рода «речевых жестах». И Чехов передает особенности речи отдельных персонажей устойчивыми сочетаниями, речевыми штампами. Ярчайший пример: учитель Беликов с его *как бы чего не вышло* («Человек в футляре»). Бездушный бюрократ, бездарный чиновник-подхалим твердит: *Каждый человек должен иметь свои обязанности* («Анна на шее»). Этот афоризм сопровождается исключительно выразительным жестом, обнажающим фальшь и ханжество тупого бюрократа: *...держа нож в кулаке, как меч, он говорил. Морали «поучает» он за обедом.*

Преподаватель географии и истории в рассказе «Учитель словесности» говорил *только о том, что всем известно*. У него нет мыслей, а есть штампы, прикрывающие пустоту, бессодержательность его высказываний. Чехов с удивительной по тонкости иронией пишет, что даже в бреду Ипполит Ипполитыч повторяет всем известные истины: *Волга впадает в Каспийское море... Лошади кушают овес и сено.*

В рассказе «Ионыч» один из героев — Туркин «говорил на своем необыкновенном языке»: *недурственно, большинский роман, здравствуйте пожалуйста, прощайте пожалуйста*. Словесное шутство является блестящей характеристикой как Туркина, так и той среды, которую он представлял.

В повести «В овраге» поп «утешал» Липу: *Подняв вилку, на которой был соленый рыжик, сказал ей: Не горюйте о младенце. Таковых есть царствие небесное*. Жест сразу же показывает лицемерие и пошлость слов *батюшки*.

В повестях — «Мужики», «В овраге» Чехов воспроизводит речь тех социальных групп, язык которых дает наибольшие отступления от литературного стандарта. Но великий мастер слова не прибегает к вульгаризации, к крестьянским «эссенциям», достигая иными средствами выразительности речи своих героев.

Чехов часто указывает интонацию (*Ах, боже мой*, — проговорил старик в изумлении и в испуге (М). «А-аа, — удивляется Костыль» (О); передает характерный жест, взгляд, позу: *«Хорошо у вас здесь!» — сказала Ольга, крестясь на церковь (М); «Да, — рассказывал он, взявшись за бока (М), говорил нехотя, почесываясь: А кто ж его знает; Хлопотал, — сказал старик и махнул рукой (О);* пишет об эмоциях, сопровождающих прямую речь: *говорили печально: Не добытчик ты (М); проговорил сурово; от земского начальника... (М); Ну, — отозвалась она сердито (О).*

Писатель всегда рисует обстановку, в которой протекает речевое взаимодействие. Вот такое окружение и придает речи персонажей жизненность, правдивость, делает доходчивыми до читателя. Диалог обставлен так, как будто он протекает в естественных условиях. И некоторое однообразие в связи прямой и авторской речи: *сказал, говорил, проговорил* и т. д. совершенно не ощущается, благодаря мастерскому использованию обстановки, всего, что является типичным и характерным для речевого взаимодействия тех социальных слоев, представителей которых он изображал.

Прямая речь разбираемых рассказов не служит для обострения сюжетных коллизий, для динамизации стиля, для придания действию остроты и напряженности. Через диалог Чехов в этих рассказах почти не раскрывает психологических переживаний героев. Композиционное назначение диалога — это ознакомление с типичными бытовыми фигурами. «В овраге» и в «Мужиках» изображается крестьянство одной местности, для которой было, повидимому, характерно северное произношение с его напевностью. Эта черта в речи крестьян подчеркивается в обоих рассказах: *Ольга*

говорила *нараспев* (М); *Стала кричать певучим голосом* (М); *Послышались певучие голоса уклеевских баб* (О).

К фонетической передаче Чехов прибегает крайне редко. Так старик Цыбукин говорит: *Бог дасьсть* (О); *девять ден* (О); *заскучал небойсь* (О).

Диалектизмы в речах персонажей тоже встречаются очень редко: *дитѣ* — речь возчика в рассказе (О); *зубами заскриготела* (О).

Чаще употребляет Чехов в речи крестьян наречия, которые бытуют в языке городского мещанства: *вчерасть*, — Липа, Варвара; *давеча*, — Липа, старик Цыбукин; *далече*, — речь возчика; *нешто*, — речь сторожа и Варвары. *Небось*, — речь Феклы; *Одночасье*, — речь Осипа.

Слова разговорные составляют как раз основные элементы, из которых строится речь персонажей: *добытчик* (М); *голубчик* (М); *не видать* (М); *не слышать* (М); *заходилась* (М); *заставила самовар* (М); *глазами метнула* (О); *ихний* — просторечие, *явители* — просторечие (М).

Некоторые обороты Чехов считал, по видимому, настолько типичными для крестьянской речи, что повторял их в рассказах. *Нет на вас погибели*, — дважды мы слышим эту фразу от старухи в повести «Мужики». «В овраге» ее выкрикивает какая-то баба: *Насосались нашей крови, ироды, нет на вас погибели* (О).

В рассказе «Счастье» Санька-пастух кричит: *...нет на вас погибели*. Все эти немногочисленные случаи просторечных, областных слов ясно показывают, что Чехов в воспроизведении крестьянской речи не шел по пути насыщения высказываний персонажей крестьянскими «эссенциями». Но это не означает, что крестьяне Чехова говорят «чистым» литературным языком. Он мастерски подчеркивает специфику крестьянской речи не путем фонографирования, а путем воспроизведения типичных мыслей мужиков в типичной для них стилистической форме. В самом содержании мыслей, в их стилистическом выражении и заключается специфика крестьянской речи в рассказах Чехова.

Для строя предложений крестьянской речи характерно не подчинение, а присоединение предложений союзами: *а, да, и*. Эту языковую черту Чехов широко использовал в речи персонажей. *А в Москве дома большие... а в домах все господа,*

да и такие красивые, да... приличные (из речи Ольги, «Мужики»).

Она ничего, а только часом взглянет, а глаза у ней... (из речи Липы); *У людей горят лампы да свечи, а у бога лампадки* (М); *а когда светопреставление... а сердитые будут гореть* (М).

Последние два примера из речи Мотьки. Мотыка подражает своей матери. В ее репликах находим не только слова: *касятка, церковь*, — религиозную лексику, столь показательную для Ольги, но даже и в структуре ее речи отражается влияние окружающей среды.

Сложно-подчиненные предложения в крестьянском языке встречаются редко. Чехов показал и эту сторону крестьянской речи. В рассказе «Мужики» из общего количества сложно-подчиненных предложений на речь персонажей приходится всего четыре предложения. Два дополнительных предложения употреблены в речи Николая, а два — сравнительные и времени — в речи Саши. В «Овраге» иная социальная прослойка. И там в репликах персонажей сложно-подчиненных предложений гораздо больше. Особенно их много в речи Анисима — 10, затем Костыля — 4. Анисим вместо *если* дважды говорит *ежели*. Это очень показательно для его стиля.

В речи Костыля союз временной — *когда*, изъяснительный — *чтобы*. Но зато в репликах других персонажей их очень мало. Речь Липы приблизительно такая же по объему, как и Анисима, но в ней всего дважды встречаются сложно-подчиненные предложения с союзами *когда* и *чего*. В речи старика-возчика тоже два подчиненных предложения: *причины, дополнения*.

Интересно отметить, что сложно-подчиненные предложения находим в речи тех персонажей, которые или живут в городе, как Анисим, или тех, кто побывал во многих местах, поработал в разных городах, как например — Костыль.

Этим объясняется то, что в рассказе «Мужики» в прямой речи сложно-подчиненных предложений всего четыре. И опять-таки два употреблены в речи того человека, который связан с городом, со службой — Николай Чикильдеева.

Таким образом, из этих примеров видно, как чутко был Чехов к языку своих героев. Не случайно он говорил: «Не делайте авторских пояснений. Пусть обо всем, о чем надо, говорят те лица, которых вы описы-

ваете» (Письмо). И его герои говорят сами, о чем надо, ибо им писатель правильно (с точки зрения самого автора) «поставил голос».

Общая неразвитость крестьянской речи, небольшой запас слов, неумение конструировать фразу, — все это нашло отражение в речи героев «Мужиков» и «В овраге». Чехов отмечает большую паразитарную прослойку в речи своих персонажей. Особенно наглядно это выступает у тех героев, которые отличаются многоречивостью. В реплике Костыля много раз повторяется *говорит и говорю: много, говорит, тесушло... столько, говорю и пошло... эка, говорю, невидаль. Когда, говорю, не был в подрядчиках. Вы, говорю...* (О).

Столь частое употребление *говорю* характеризует речь Костыля. В речах других персонажей такого количества *говорю, говорит* нет. Так даже количественный признак служит стилистической характеристикой речи персонажа. Это паразитарное *говорит* по Чехову настолько характерно для крестьянского языка, что оно внедряется в речь всех персонажей. Встречается оно даже в небольшой реплике Марьи: *много, говорит, едите* (М). Второе по употребительности паразитарное слово, бытующее и в некоторых социальных диалектах городов, — *значит*. Чехов в речь не всех персонажей вводит такие «слова-паразиты». Качественно они разные. В речи Варвары нет ни *значит*, ни *говорит*, но зато находим: *и гляди, вижу, одно слово* (вместо *одним словом*). В речи Аксиньи: *чай, наврал* (О). «Паразитарная прослойка» в высказываниях персонажей индивидуализирована не только со стороны количественной, но и качественной. В репликах Анисима, который особенно многоречив, также не встречаем ни *значит*, ни *говорит*. Его речевая характеристика построена по иному принципу.

Вторая черта, которая очень типична для реплик всех персонажей — это неумение перевести прямую речь в косвенную.

Старик Осип говорит: *...летошний год люторецкий барин: Осип, говорит, продай сено... Ты, говорит, продай...* (М). Аксинья и *говорит* старику: «Я, *говорит*, хочу в Бутекине кирпичный завод ставить», — из речи Липы; «Я к тому барину, что его защищал: *Ничего, говорит, теперь нельзя, поздно*», — старик Цыбукин (О); «ответил работник: *Ужо будет, говорит, потемнее,*

тогда приеду» (из реплики старого работника) (О).

Преобладание в речи крестьян сочиненных предложений, большая паразитарная прослойка, неумение перевести прямую речь в косвенную, — эти стилистические черты свойственны речам всех персонажей повестей «Мужики» и в «В овраге». Но помимо этих общих черт у каждого героя есть свое индивидуальное, что выделяет его реплики, служит речевой характеристикой.

Несмотря на значительное количество глаголов, обозначающих речевой процесс, в «Мужиках» больших реплик нет. «В овраге» герои говорят реже, но более пространно. Чехов предпочитает косвенно передавать прямую речь мужиков. Тем большее значение приобретают те высказывания, которые автор считал необходимым «вложить в уста» своих героев.

Кирыак говорит очень мало. Но зато его реплики выразительны, звучат правдиво и жизненно. Одна его реплика — когда он пьяный. Речь его все время прерывается. Он не заканчивает ни одного предложения. Это набор слов, какие-то обрывки мыслей, в них нет никакой связи: *Братец с семейством приехали в родительский дом... из Москвы значит. Первопрестольный, значит, град Москва, мать городов... Извините!!!* (М).

Отсутствие логичности сразу обнаруживает его состояние. Желание быть вежливым подсказывает ему слово из другой речевой сферы, чем та, которая для него является «родной». *Извините* — в устах Кирыака является для него чужим словом. И в трезвом состоянии он сохраняет в своей речи ласкательные: *братец и сестрица*, но слово *извините* заменяет выражением: *...простите Христа ради* (М).

Характерно и то, что Кирыак как бы «одушевляет» вино: *Водка-то что делает* (М). Эта фраза Чеховым взята непосредственно из жизни. Она бытовая в речи именно той социальной группы, которую представляет Кирыак, т. е. в языке городского мещанства и крестьянства. И выражение *сам не рад* тоже является «осколком» живой речи. Чехов включает в речь своих персонажей только то, что он слышал в жизни от людей, с которых он рисовал своих героев. Но это не натуралистическое отношение к языку. Он, как реалист, выбирал типичное, характерное.

Из всех мужиков своей многоречивостью выделяется старик Осип. Сам автор говорит о нем, что если бы бабка его не по-нукала, то он только сидел бы на печи, да разговаривал (М). Его речь не организована. Он часто повторяет одни и те же слова: *Да... после Воздвижения... Да... хорошо* (М).

Нагромождает слова без всякой логической связи: *...Только это, значит, везу я...* (М). Не к месту вставляет слово *добровольно*. Беспомощность выразить мысль особенно рельефно выступает в порядке слов: *...везу я утром сено добровольно...* (М). Слова не подчиняются, не сочиняются, а просто нанизываются. Он бессилен довести до конца свою мысль. Она у него часто обрывается, не получив законченного выражения: *Было у меня пудов сто для продажи на лоску бабы накосили...* Это «предложение» по своей дезорганизованности типично для речевого стиля Осипа. Опущенный второстепенный член *сено* находится в другом предложении. Речь Осипа понятна только в целом. Читатель сам устанавливает единство в этой аморфной массе. В его речи часто встречаются просторечные и даже областные слова: *лоск* — плоская низменность, лог; *колотиться* — в смысле биться в истерику. Вместо *застрахована* он говорит *заштрафована*. К приехавшему тушить пожар студенту и его сестрам он обращается: *ваше высокоблагородие, господа хорошие*. Характерна для его речи и энклитическая частица *то*: *Экой срам-то...*, *при гостях-то* (М). Когда он обращается к станковому приставу, в его речи появляются слова официальные: *ваше высокоблагородие... дозволейте сказать...* (М). Но мысль его сбивчива, и он не может ее выразить.

Таким образом, Чехов, пользуясь очень ограниченным количеством слов, выпадающих из норм общелитературного языка, дает яркие образцы живой речи. Основным приемом для этого является нарушение традиционных синтаксических норм: порядок слов, механическая сцепка предложений, а главное, в этих формальных элементах отражается мысль, не могущая найти себе выражения. Осип пытается что-то изложить, но никак не может сказать самого важного, основного. И коротенькая реплика, состоящая из просторечных слов: *мочи моей нету* (М), сразу бросает свет на то, что так долго и беспомощно хотел сказать Осип.

Речи деревенских женщин — Марьи, Феклы, старухи — немногословны. Строятся они тоже по принципу сочинения и механической сцепки слов. Только в речи Феклы встречается одно сложно-подчиненное предложение: *Погляжу, что вы тут будете есть* (М). Жизненность, правдивость их реплик не только выступает в словаре, но и в конструкции. Слова, которые относятся к предшествующему предложению, отрываются и образуют неполное предложение: *Это наша Фекла, — за речку на барский двор ходила. К приказчикам. Озорная и ругательная — страсть* («Мужики»). Во всей этой реплике только одно слово находится за границей литературного языка — *страсть*, а слово *ругательная* — разговорное.

Чехов хорошо знал фольклор и применял его в различных целях. К фольклорным мотивам относится и причитание в повести «В овраге»: *И на кого ты нас покинул, Анисим Григорич, соколик ясный* (О).

Если в словах Марьи видна забитая нуждой крестьянская женщина, то в репликах Феклы выражен протест. Это она по адресу «приличных господ» говорит: *чтоб их разорвало* (М).

Реплики Феклы насыщены ругательствами: *принесла нелегкая дармоедов; холе-ра, толстомясая, ледащий*. Иронически употреблено выражение: *барыни какие* (М).

Встречаются разглагольствующее-просторечные слова: *чай да сахар, гляди-кошь, моду себе взяли*. Ее речь является наиболее эмоциональной, экспрессивной.

В репликах старухи тоже много ругательных слов, религиозно окрашенных: *окаянная, анафемы, полушница*. Ее речь инверсивна: *Мужики наши горькие не в дом несут, а из дому* (М); *И Кирьяк знает в трактир дорогу* (М).

В конструкциях и в словаре четко выражены элементы разговорного языка. *Горькие мужики* — это целиком взято из бытовой речи крестьянства, городского мещанства. Сила, экспрессия этого выражения не в метафоричности, а в том, что эти слова отражают подлинную жизнь. Они не приготовлены в импрессионистической лаборатории писателя, а выхвачены из действительности. Это лишнее доказательство того, как хорошо слышал Чехов живые голоса своих героев. Он брал типичные слова, характерные конструкции, правдивые, жизненные интонации.

Речевой стиль персонажа определяется его жизненным положением. В репликах Николая Чикильдеева ясно чувствуется его профессия. Его высказывания более организованы, мысль течет не столь сбивчиво, как у Кирьяка или старика Осипа, хотя и в его речи много отступления от традиционных канонов литературного языка. Он говорит: *об эту пору, денно и нощно*. Вместо предлога *благодаря* ему он употребляет — *через него*: *...через него я стал хорошим человеком* (М).

Московская жизнь приучила его к вежливости. К своей матери он обращался по-городскому: *Вы не можете ее бить* (М). Его речи свойственна витиеватость, выражающаяся в механическом употреблении шаблонных оборотов городского мещанства: *Вы не имеете никакого полного права ее бить* (М).

В высказываниях встречаются слова иностранные, попавшие в его язык из ресторанного быта: *котлеты маршалъ*. В конструкции фраз заметно некоторое своеобразие, например опускается поясняющий член предложения. Благодаря такой неполноте, предложение становится ближе к действительной разговорной речи: *Оля, милая, не могу я больше тут*. Опушен инфинитив *жить*. Бросается в глаза инверсивность предложения, что тоже содействует большей экспрессии. В разбираемом высказывании есть слова: *Силы моей нет* (М). Это выражение по своему значению близко к тому, которое мы слышали от старика Осипа: *Мочи моей нету*. Слова Николая не выпадают из канонов литературной речи, а слова Осипа целиком нелитературные. Различие в положении обусловило и различие в языке. Высказывание Николая особенно эмоционально потому, что для усиления его мысли-мечты о *матушке-Москве* автор использует прием повторения: *Ради бога, ради Христа небесного... пусть продает... пусть высылают... хоть глазом на Москву взглянуть. Хоть бы приснилась мне Матушка* (М).

Речь его жены Ольги, жившей в городе, имеет несколько особенностей. С одной стороны, в его репликах ярко выделяется религиозная лексика. Ольга часто цитирует евангельские тексты: *Аще кто ударит тебя, Приидите все труждающиеся, отроча и мать его*; религиозные восклицания: *господи, царица небесная, бог милости прислал*. В ее репли-

ках есть поговорка: *слезами горю не поможешь*. Речь ее напевна, ритмична, благодаря инверсии, повторению: *«А в Москве дома большие, каменные... церквей много-много, сорок сороков... а в домах все господа, да такие красивые, да такие приличные* (М).

Восторженность подчеркивается усиленными словами: *Да такие хорошие, да такие красивые!* В ее репликах находим просторечные элементы; вводное слово *почитай*: *...там каждый день, почитай, пожар* (М).

Работа в «Славянском базаре» приучила ее к официальному оборотам, к услужливости: *Точно так-с. Мой муж служил в «Славянском базаре-с»... Московская-с*. Это появляется в ее языке в тот момент, когда она разговаривает с приехавшими тушить пожар студентом и барышнями. Обращаясь к студенту, она к личному местоимению добавляет слово *барин*: *Вы, барин, хорошо тушили* (М). В этом подчеркивающие выражены ее покорность и услужливость. Синтаксические конструкции ее высказываний элементарны, несложны, но они более организованы, чем речи Марьи и Феклы.

Влияние канцелярского языка на язык крестьянства особенно заметно в репликах старосты, Антип Сидельников *в городе не жывал, книг никогда не читал, но откуда-то набрался разных умных слов*, — пишет о нем Чехов.

Старику Осипу Сидельников говорит: *От земского начальника все зависящее. В административном заседании 26 числа можешь заявить повод к своему неудовольствию словесно или на бумаге* (М). Слова и канцелярские обороты попали в его язык из общения с начальством, из тех циркуляров и приказов, которые он читал, как староста. Его бессилие выразить свою мысль заключается в том, что он использует шаблоны, клише канцелярской фразеологии. Они служат «опорой» для устойчивой, самому ему неясной мысли: *Слова эти без последствия, Чикильдеевы недостаточного класса*. Он пропускает атрибут, благодаря чему наречие относится к существительному: *...и озорники очень*. Предложение не имеет главных членов и понятно лишь из контекста: *Без всякого понимания* (М). Но наряду с такой «культурой» в его речи находим нелитературные обороты *за им*.

Все эти примеры с достаточной ясностью иллюстрируют, насколько Чехов индивидуализировал речь каждого персонажа, насколько он был внимателен и чуток «к постановке его голоса». Даже небольшие реплики мужиков и баб сделаны с таким мастерством, что они звучат, как в живом разговорном языке. Старухи и бабы говорили: *Не добытчик ты, Николай Осипыч, не добытчик, Где уж* (М). В этом восклицательном *Где уж*, транспонированным из действительной речи, раскрывается беспомощность Николая.

Старуха-баба в знак особого почтения говорит о своем брате, живущем в городе, во множественном числе: *И ничего про них, голубчика, не слышать* (М). *Про них*, просторечное *не слышать* делают речь правдивой, жизненной.

В рассказе «В овраге» «ведущие герои» из иной социальной среды, и «голоса их поставлены» иначе, но столь же выразительно и правдиво. Из всех персонажей наиболее многоречив Анисим Цыбукин. Он произносит целые монологи, в которых восторженно рассказывает о своих «успехах» в городе, пытается даже «философствовать». Его речь — это смешение различных стилевых элементов. Мы слышим в его репликах чаще, чем от других персонажей, иностранные слова: *персона* (в смысле лицо), *коньяк, ресторан. Персона* употребляется им в том значении, в каком оно бытовало в языке городского мещанства, т. е. так именовалась какая-либо «почтенная личность». *Поминальный обед — по два с полтиной с персоны* (О). Мужики в число персон им не включаются. О них он говорит особо: *... которые мужики... и за них тоже по два с полтиной* (О). Он же объясняет «почему?»: *Нешто мужик понимает соус* (О). Городская культура в нем преломилась в мещанской интерпретации. Его речевой стиль — стиль городского мещанства. В этом стиле смешались иностранные, архаические, крестьянские и арготические элементы. Он произносит арготизм: *вальдишнев стрелять*. И тут же поясняет: *Это значит — искать краденое* (О). Наряду с ресторанно-трактирной лексикой в его языке представлены элементы просторечные: *Нешто, ан глядишь, подзакусить* (О). Он не точно употребляет слово *происшествие*, поэтому оно воспринимается несколько комически: *Происшествие в семейной жизни: померла его*

старуха (О). Чтобы подчеркнуть свои способности сыщика, он часто говорит: *Но я его, тетенька, насквозь вижу*, и снова повторяет все о том же Самородове: *Я его насквозь вижу* (О). Или употребляет выражение из близкой семантической сферы: *У меня верный, правильный глаз: «Ежели у человека рубаха краденая, я вижу»* (О), *Чай-то чаем, вижу еще* (О). И он так все «видит», что не заметил ни одного человека с совестью (О). Свои мысли он пытается выражать афоризмами, в которых обобщалось бы то, что он «видел». *Украсть всякий может, да вот как сберечь, Велика земля, а спрятать краденое негде* (О). Вся его речь многословна, витиевата: *Это тот самый Самородов; Какой человек есть этот самый Самородов* (О). *Я не знаю, какая там рубаха, а только почему-то так меня и тянет к ней* (О).

Соединяет слова без достаточного логического основания, благодаря чему получается комический эффект: *Личный почетный гражданин и может разговаривать. Начинает сложное предложение с союзного слова который: Которые мужики, — наши земляки и за них тоже по два с полтиной* (О). Вряд ли это можно назвать предложением, ибо в этой «фразе» поправны все законы грамматики. Слова, которые являются дополнением внутри предложения, отрываются и образуют самостоятельное и неполное предложение: *Померла старуха Софья Николаевна. От чахотки* (О).

Частым повторением обращения он старается привлечь внимание к тому, что говорит: *Я его насквозь вижу, мамаша; У меня, мамаша, верный глаз*. Речь Анисима сделана блестяще. Персонаж выступает перед читателем со своим настоящим, подлинным голосом. Он о себе сказал все и сказал так, как говорили те Анисимы, которых наблюдал Чехов в жизни. Он лишь трансформировал речь в плане идейного замысла произведения. Сам старик Цыбукин несколько стилизован под свекра-бабушку. Поэтому в его речи мы находим реплику, как бы взятую из народной песни: *Ай да невестушка. Ай да красавица матушка*. В целом его речь менее «дефектна», чем речь Анисима. В ней нет причудливого сплетения элементов языка городского мещанства. Она лишь насыщена просторечными словами и оборотами: *Пускай, адвоката договорил,*

погожусь недельку, цены бы тебе не было (О).

Он, как и Анисим, тоже склонен несколько афористически выражать свои мысли. Это ему принадлежит сентенция о сущности цыбукинской жизни, — разумеется: *Кто к чему приставлен* (О). *Вот не захотел дома жить, пошел по ученой части. Что ж, пускай. Кто к чему приставлен* (О). Эта фраза очень типична для речевого стиля старика Цыбукина; особенно характерно здесь то, что Цыбукин службу сына-сыщика называет: *Пошел по ученой части*.

В конструкции его предложений наблюдаем те же «аномалии», что и в речах других персонажей. Чехов, повидимому, такой строй речи считал типичным для своих героев, например, употребление вместо союза *когда* — *как*: *Как вышел из суда, одного адвоката договорил* (О); ничем не оправданное нагромождение слов: *Была у него жена, и эта самая жена, пока он, значит, за товарами ездил, с другими гуляла* (О).

У Анисима и старика Цыбукина есть стремление выразиться образнее. Старик Цыбукин свое неумение отличить фальшивые рубли от настоящих сравнивает с тем, что какой-то Дмитрий Филатыч не мог разобрать: *Где тут мои дети, а где чужие*. Вот такого стремления образнее, более витиевато выражать свою мысль нет у мужиков — Чикильдеевых. Речь старика Цыбукина по своим конструкциям и лексическим особенностям близка к речи Анисима.

Нелитературность речевого стиля Варвары чувствуется в употреблении таких слов и сочетаний: *по каковски это? А наши вчера, небось, свадьбу сыграли порядком, нешто, скажи на милость, оже-нишься, неровен час* (О).

Но наряду с такими словами, нелитературность которых резко ощущаешь, характерными являются словарные ресурсы, стоящие как бы на грани общелитературного языка. Нелитературность речи Варвары создается также благодаря частому повторению частиц и восклицаний: *Ну-у заладила; Ну-у, вот, бог с тобой; Ну, вот, что там; Ну-ну; или другое ее восклицание: Ох-тех-те; Ох-тех-те; Ой, батюшки, уймите ее; Ой-ой, право, поговорил бы ты с отцом; Этих-тех, парню уже 28 годочек; Ох-тех-те* (О).

Эта елейная представительница деревенской буржуазии своими восклицаниями пы-

тается всех примирить и оправдать хищничества и преступления кулацкой семьи.

Реплики Аксиньи необычайно эмоциональны. Это выражается не только интонационно, но и порядком слов, пропуском отдельных членов предложения: *Провались вы*. Нелитературность ее речи обнаруживается прежде всего в словаре: *день-денской, шмыгать за водкой, понабили себе сундуки*; в употреблении предлогов: *я увас не нанималась* — вместо *к вам*.

Не менее типичны и показательны речи других персонажей. Особенно интересны реплики тех героев, в образе которых представлена иная социальная среда, чем цыбукинская. Липа, попав в цыбукинскую семью, выражает свои мысли согласно с новыми условиями своей жизни. О муже она говорит во множественном числе, подчеркивая тем самым свою зависимость и покорность: *Они ничего, не обижали, а только как подойдут ко мне близко* (О). В знак особого уважения она и о Варваре говорит во множественном числе: *или с Варварой Николаевной вместе чай пьем, а они что-нибудь рассказывают чувствительное* (О). Мать Липы тоже меняет свою речь в цыбукинской среде. Это метко выражено в ее маленьких репликах: *Что вы, помилуйте-с... Много вами довольна-с* (О). Нелитературность речи Липы дана не грубым внедрением областных слов, не резким разрушением канонов литературного языка, а в отдельных отступлениях от общепринятых норм. Эти отступления понятны и в общелитературном языке. Так, она вместо *сердце бьется* говорит: *сердце трясется*; вместо *потом* — *там*: *поспит а там вскочит; построй от себя* вместо *построй от себя*; *сердце помягчило*, дело *спорее* (О).

В предложении глагол обычно отодвигается на конец: *...вместе на поденку пойдем...; сколько дней его душа потом по земле ходит* (О). *Сыночек у меня там помер, Я в больнице была*. Предложение нарушается пропуском сказуемого или второго члена сказуемого: *Чай с белой булкой и говядины — сколько хочешь*. В первой части опущено сказуемое *пьют*, во второй — *едят*. Иногда опускается атрибут и наречие относится к существительному: *Я до... варенья очень охотница* (О). Это те основные отступления от правил традиционной грамматики, которые находим в речи Липы. Без них ее реплики были бы нежизненными, фальшивыми.

С огромной силой и выразительностью звучит речь Костыля и особенно речь старика-возчика, лирическая, полная оптимистических мыслей и бодрых настроений. В ней один лейт-мотив: *Жизнь долгая, — будет еще хорошего, и дурного*. Через несколько строчек: *будет и хорошее, будет и дурное*. В конце реплики лейт-мотив отходит в прошлое: *...было и дурное, было и хорошее*. И вывод: *...хорошего было больше*. Вся речь заканчивается словами: *А велика матушка Россия* (О). Прием лейт-мотива часто применяется Чеховым в его пьесах и рассказах. В этой речи, такой жизненной, как-то не бросается в глаза, что каноны школьной грамматики нарушены, что есть лишние слова. Его речи образны, ярки: *Птице положено не четыре крыла, а два, потому что на двух лететь способно: так и человеку положено знать не все* (О). Образность его далека от сравнений старика Цыбукина или Анисима. В речах последних сказывается кулацкая натура. В речи старика-возчика слышим интонации крестьянина-труженика.

Речь Костыля тоже очень непосредственна. Его высказывания пересыпаны всякими обращениями: *Ах, деточки, деточки; топорики мои любезные, бабочки, девочки, Эй девки-и; Эй, красотики* (О). Некоторые отступления от норм литературной речи мною уже отмечены. В его словаре попадают профессиональные обороты: *Плинтус оторвали; Все, значит, в ней на месте, все гладенько, не гроыхнет, вся механизма в исправности, винтов много* (О). Он тоже склонен к афоризму, не цыбукинского

типа — *Кто к чему приставлен, а иным: Кто трудится, кто терпит, тот и старше* (О). Реплики этих двух персонажей отличны от цыбукинских. Там сгусток мещанского многословия, здесь живая разговорная речь трудящихся крестьян. Речь старика-возчика выделяется своей эмоциональностью, экспрессией. Весь его образ построен исключительно на речевой характеристике.

Таким образом, Чехов при создании речевого стиля каждого персонажа исходил из реальных условий его жизни. Он не вносил в его речь слов, выражений, которые противоречили бы тем речевым навыкам, какие были свойственны данному персонажу. Достигалось это не путем фонозаписей, не путем прямого переноса слов и конструкций из социальных диалектов, а методом тщательного отбора наиболее важных, типичных слов и синтаксических конструкций.

В диалог Чехов включал то, что представлялось ему особенно значительным и о чем в авторской речи с такой убедительностью, правдивостью нельзя было бы сказать.

Чеховский диалог реалистичен. В нем слышится живая речь. Чехов строил его из слов, метко передающих действительность. Многие из них были настолько социально-ценными, что вошли в общий фонд литературного языка.

Чехов является выдающимся мастером словесности. А. М. Горький писал, что Чехов, наряду с Пушкиным и Тургеневым, создавал и обогащал русскую литературную речь,

